

Х.М. Турьинская

Этномузееведческая мысль в журнале «Живая старина» (1890–1916)

Конец XIX – начало XX в. в России – время в истории российской науки и культуры, когда закладывались основы отечественного музееведения. Музейная деятельность, музейные темы были популярны в разных слоях общества. Количественно росли и развивали свою деятельность музеи разного профиля, увеличивалось число посетителей музеев. Музейные деятели и все деятели науки осознавали непреходящую значимость музеев в культурной жизни России, и всех их объединяло желание развивать музейное дело, игравшее важнейшую роль в сфере науки и просвещения. В это время в России начинают издаваться специальные этнографические журналы. Как заметил С.А. Токарев, это было показателем роста этнографической науки и повышения общественного интереса к ней¹. Если продолжить эту мысль, то необходимо отметить, что в этих журналах значительное внимание уделялось вопросам музееведения, главным образом этнографического, что является, в свою очередь, показателем тесной связи развития этнографической науки и этнографического музейного дела, а также больших подвижек в области музейного дела в нашей стране в целом. В России того времени не существовало специального музейного издания, тем более посвященного вопросам этнографического музейного дела.

Одним из специальных этнографических журналов была «Живая старина» (1890–1916) (далее – ЖС) – печатный орган Отделения этнографии Русского географического общества (ОЭ РГО). Издание работало в области изучения этнических культур, фольклора, языков народов России и сопредельных государств, освещало события научной и культурной жизни страны, его материалы имели общественный резонанс. В наши дни они также сохраняют большую научную ценность. На страницах ЖС значительное место отводилось музейной тематике, давался анализ состояния музейного дела, в том числе этнографического, отмечались его успехи и недостатки. Журнал являлся средством

распространения информации и общения всех интересовавшихся музейным делом людей, в определенной мере влиял на общественное мнение.

Среди тех, кто на страницах ЖС размышлял по поводу теоретических и практических сторон музейного дела – крупнейшие русские этнографы, музейные деятели, популяризаторы музейной работы – В.И. Ламанский, Л.Я. Штернберг, Н.М. Могилянский.

Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) – историк, филолог, общественный деятель, профессор Петербургского университета – в течение многих лет председательствовал в Отделении этнографии РГО, а в 1890–1910 гг. был редактором ЖС. С.А. Токарев называл его «ученым консервативных и притом великодержавно-панславистских взглядов», однако отмечал, что в руководимом им журнале печатались и прогрессивно настроенные ученые. Действительно, В.И. Ламанский был выразителем славянофильских настроений в обществе, но при этом оставался человеком широких взглядов, что подтверждают и материалы редактируемого им издания. В.И. Ламанский отстаивал необходимость полного этнографического изучения всех – не только славянских – народов России. Не будучи работником музея, он хорошо разбирался в проблемах музейного дела, в том числе этнографического.

В.И. Ламанского заботила судьба и крупных центральных, и местных музеев России: его радовал тот факт, что в некоторых губернских городах, как он писал, «устроились уже и музеи, наконец, начинают, слава Богу, заводиться музеи и собираться коллекции и в кое-каких уездных городах». Уже в 1890 г. на страницах «Живой старины» он говорил о необходимости распределения труда между столичными и местными научными силами, а на местах – между губернскими и уездными музеями. Нежелательным было, по мнению В.И. Ламанского, сосредоточение в губернском городе всех замечательных находок, делаемых в уездах; лучше для науки и внутренней жизни нашей провинции, если бы из столицы и губернских городов шло не давление, а поощрение создания музеев и коллекций в уездных городах. Музеи здесь, полагал он, не так невозможны, как может казаться со столич-

ной точки зрения. «У нас труден только почин и первоначальное обустройство, – считал В.И. Ламанский, – а затем успех их несомненен: открытые народу в базарные и ярмарочные дни, эти музеи приобрели бы скоро в населении большую популярность и стали бы обогащаться приношениями из разных краев уезда». Уездный город ближе и родней, чем губернский, свой уезд все живо знают и любят. «И придет время, когда сельское население уезда полюбит эти музеи, как любят собор или монастырь своего города». По мнению редактора ЖС, в этом направлении требовалась активность со стороны местной интеллигенции, земства, священников, учащейся молодежи, приезжающей на каникулы, а от столичных научных сил «должен раздаться голос поощрения и одобрения» мысли о создании и развитии уездных музеев. Такие «малые музеи» В.И. Ламанский видел на западнославянских земляхⁱⁱ. Отметим, что надежды этого крупного ученого и деятеля культуры начнут в определенной мере сбываться после революции 1917 г.: произойдут коренные изменения в сфере управления музейным делом, будет развиваться краеведческое движение, резко возрастет число музеев в разных уголках страны.

По инициативе редактора в ЖС поощрялись дискуссии, обмен мнениями по проблемам музейного дела. В сообщениях с мест говорилось, что где-то для организации музеев не хватает средств, где-то – людей, где-то мешает равнодушие местного общества и «формализм» столичных ученых обществ. На это В.И. Ламанский замечал: «Но зачем не начать дела с малого, с одного шкапа, с одной витрины, ... с медленного, но постепенного составления хотя бы самых малых коллекций этнографической, археологической». Все дело тут не в средствах, а в охоте, решимости, постоянстве. И никакой «формализм» столичных ученых обществ устройству этих музеев помешать не может. Причина, отчего «так медленно подвигается в России наука, просвещение и образованность», отчего «в провинции нет и не заводится нужных музеев», редактору журнала видится в неправильном составлении библиотек в уездных городах, где нет нужных книг, но много лишнего чтения, которое «рассеивает» мысль, не пробуждает желание самопознания, отучает от серьезных умственных работ»ⁱⁱⁱ.

В.И. Ламанский был среди тех, кто по просьбе управляющего музеем вел. кн. Георгия Михайловича принимал участие в изучении вопросов организации в Петербурге Этнографического отдела Русского музея (ЭОРМ) императора Александра III. В 1898 г. он представил свою программу создаваемого музея, которая не была опубликована и находится в архиве Российского Этнографического музея – «наследника» ЭОРМ. Узнать о содержании проекта Ламанского можно и из материалов ЖС – из статьи Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского о В.И. Ламанском как антропогеографе и политикогеографе, относящейся к 1915 г. В.П. Семенов отмечает, что в этой программе, которая к тому времени являлась библиографической редкостью, получила отражение *антропо- и политикогеографическая идея Среднего мира*, по В.И. Ламанскому, мира греко-славянского, среднего между романо-германской Европой и Азией. Автор обращает внимание на то, что хотя проектируемый музей и называется В.И. Ламанским этнографическим, но в основу расположения его коллекций положен не порядок отдельных племен или категорий предметов, а принципы: во-первых, антропогеографический, т. е. «территория, от которой зависит весь типичный уклад местной жизни человека», во-вторых, политикогеографический, по которому центральное внимание в каждой части Российской империи отводится создателю русского государства – «русскому племени», или восточным славянам, и затем иллюстрируются «научно-беспристрастно его местные взаимные культурные отношения с прочими племенами данной части империи». К этому присоединяется еще музейная сравнительная иллюстрация народов Среднего мира, не входящих в состав России, но тяготеющих к ней культурно. По мнению В.П. Семенова, эта идея своевременна в условиях Первой мировой войны – войны германского мира против греко-славянского, в которой, как он считал, Россия выйдет победительницей, и в ее состав войдут «на западе и юге предназначенные ей историческим роком и самой географией старые территории», и сама Россия встанет на новый путь.

В своей программе В.И. Ламанский предлагал выставлять в музее не только вещевой, но и иллюстративный материал (рисунки, фото-

графии, карты, таблицы), привлекать к этнографическим исследованиям данные смежных наук (археологии, лингвистики, антропологии, географии, демографии). В.П. Семенов высоко оценил этот проект как имеющий научную ценность и государственное значение. У В.И. Ламанского – «натуры талантливой и уравновешенной, – писал автор статьи, – широкие антропогеографические взгляды ведут к здоровому, светлому гуманизму. Высший же политикогеографический синтез приводит его к глубоко продуманному и прочувствованному национализму, чудесно связывающемуся с гуманизмом»^{iv}.

Несмотря на многочисленные достоинства и интересные идеи проекта В.И. Ламанского, он не был принят: члены специального совещания по организации ЭОРМ не могли согласиться с его принципиальными основополагающими пунктами о доминирующей роли «русской национальной и государственной идеи» при показе музейных коллекций, хотя и возможно полно демонстрирующих этнографическое разнообразие России.

В 1911 г. в ЖС вышли обстоятельные статьи крупных отечественных этнографов и музейных деятелей Л.Я. Штернберга (о МАЭ) и Н.М. Могилянского (об ЭОРМ), представляющие различные аспекты деятельности этих крупнейших музеев. Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) – старший этнограф МАЭ, вскоре (в 1912 г.) ставший помощником директора по науке, – изложил свои взгляды на цели и задачи этого музея, взгляды *эволюционистские*. По Л.Я. Штернбергу, МАЭ является музеем общей этнографии, имея «своим предметом культуру всего человечества как в статическом, так и в динамическом отношениях. Такой музей не только должен дать полную картину отдельных культур самых различных народов, но, вместе с тем, должен представить все фазы процесса развития и распространения общечеловеческой культуры». Итак, музей должен изучать все народы Земли, но при этом не будет представлена современная европейская культура. Музей сосредоточен на показе культур «низшего типа и высших культурах вне-европейского круга народов». Что же касается культурных явлений европейских народов, то МАЭ «интересуется только теми, которые являются анахронизмами, пережитками культуры прошло-

го времени». Они, по мнению Л.Я. Штернберга, «в обилии сохранились даже в самых прогрессивных странах Европы среди крестьянского населения». В МАЭ должны быть отделы «морфологический» (культурно-этнические группы в географическом порядке) и «эволюционный» (представляет не этносы, а группы культурных явлений в порядке их развития от низшей до высшей ступени и независимо от их происхождения). Ни в одном музее России и Европы такой план не был воплощен, так как он требовал больше помещений, средств, вещевого материала, и МАЭ, по словам Л.Я. Штернберга, пока выставлял коллекции только по «морфологическому» принципу. В планах музея было создание из «многочисленных дублетов» отдела эволюционного^у.

Крупнейший российский этнограф, музейный деятель, с 1898 г. сотрудник МАЭ, с 1902 г. – хранитель, а в 1910–1918 гг. – руководитель ЭОРМ, Николай Михайлович Могиланский (1871–1933) в своих статьях в «Живой старине» выступает как незаурядный ученый, музейный практик и теоретик, касавшийся всех вопросов – профиля, функций, истории, принципов устройства музеев, музейного бюджета, помещения и специального здания, персонала, научной, просветительской, издательской деятельности. В очерке о деятельности ЭОРМ он отмечает, что дело исследования России в этнографическом отношении, важность которого осознана уже полстолетия назад, до сих пор далеко от осуществления. То, что уже сделано для изучения народов России учеными, научными и учебными учреждениями, обществами, музеями, частными лицами – это «лишь капля в безбрежном море, которое представляют из себя для изучения многочисленные народности России со всем разнообразием их духовной и материальной культуры. Не было учреждения, которое своей основной задачей и прямой целью поставило бы изучение этнографии России и сохранение для будущего памятников быта созданием музея русской этнографии. Пробел этот теперь заполнен с началом деятельности Этнографического отдела Русского музея». Заметив, что эволюционный подход был основным в исследованиях, проводимых музеем, он считал неверным подход к явлениям культурной жизни народа только с точки зрения теории эволюции. По мнению Н.М. Могиланского, без изучения истории народа,

взаимных влияний народов немисливо изучение фактов культурной жизни, эстетики, психологии, материального быта и социальных отношений ныне живущих народов. Для музея ценны следы и обломки, пережитки прошлого. И ЭОРМ, осторожный в выводах и заключениях, пока сосредоточил свое внимание и труд на накоплении материала, его систематизации и предварительной научной обработке, а решение «многих задач этнологии» оставил будущему^{vi}.

В 1916 г. ЖС публикует размышления Н.М. Могилянського о предмете и задачах этнографии и их связи с принципами работы этнографических музеев. Ученый рассматривал этнографию как народоведение, чья «задача – изучить развитие интеллектуальных и духовных сил человеческого рода, которое, под влиянием расовых особенностей, географической среды и исторических условий, своеобразно протекало в различных группах, представляющих народы земного шара, и нашло свое отражение в особенностях материального и духовного уклада их жизни». Н.М. Могилянский призывал не увлекаться идеями антропогеографии, а также дискутировал с установками Н.Н. Харузина и Л.Я. Штернберга по предмету этнографии, считая, что взгляды Н.Н. Харузина – взгляды не этнографа, а историка культуры, так как у того на первом плане человечество в целом, а не этнос. Н.М. Могилянский был не согласен с теми, кто исключал из этнографии промышленные, «культурные» народы, полагая, что с прогрессом «европейской цивилизации», просвещения народы – *этносы* – не исчезнут, сохранится их специфика, а значит, останется объект этнографического исследования.

По мнению Н.М. Могилянського, если быть последовательным и смотреть на этнографию как на науку об эволюции быта, то все этнографические музеи должны быть перестроены по новому плану. Материал в музеях обычно был «классифицирован по этническому принципу, отчасти, географическому, но не по основам культурной эволюции или сравнительной этнографии». Для Н.М. Могилянського этнический принцип классификации казался вполне оправданным, так как всякая группа «разнородных объектов материальной культуры есть нечто целое, объединенное своим происхождением; это – продукт

творчества самого народа или же характеристика того, как данный народ удовлетворяет свои потребности», т. е. «это целое неотделимо от создавшего или пользующегося им народа». Н.М. Могиланский считал, что такой принцип классификации «сохранится в этнографических музеях всегда, поскольку они сохраняют за собой значение быть музеями народоведения, а не музеями общей истории культуры», но при этом возможно и желательно создание «сравнительно-этнографических или эволютивных групп, зачатки которых уже намечались в некоторых музеях» (вспомним существующий «морфологический» и планируемый «эволюционный» отделы МАЭ, о чем шла речь в статье Л.Я. Штернберга).

Очень важно для анализа развития музееведческой мысли в дореволюционной России мнение Н.М. Могиланского по поводу состояния музейного дела на местах, его рассуждения по практическим и теоретическим аспектам работы местных музеев, о тяжелом положении музейных работников. Музеи, по его мнению, высказанному в ЖС в 1916 г. в статье «Областной или местный музей как тип культурного учреждения», являются наилучшим местом для хранения предметов как научных документов. Но музей – не простое хранилище попавших туда вещей, к которым как сторожа приставлены хранители, такой музей без внутренней жизни – мертвое учреждение. «Музейные работники нового времени смотрят на музей как на живое учреждение, ...где всякий застой лишь болезненный симптом, норма же – исполнение серьезных задач и важных жизненных функций в форме постоянной, непрерывающейся научной и специальной музейной работы».

Суровая российская действительность находит отражение в следующих словах Н.М. Могиланского: «Пора положить, наконец, предел тому недостойному положению, в каком находятся у нас очень часто деятели музеев, являющиеся нередко прямо подвижниками, а часто просто мучениками своего дела. Основным элементом, из которого складывается вся их деятельность – простая случайность... начиная от сочувствия местной власти, отношения учреждения, дающего музею помещение, средства... Известно, как на отношении лица, стоящего во главе административной власти, часто зиждется общее отношение

всех ведомств к музею и его представителю. Пройдет ли смета через городскую думу или земское собрание? Ведь это вопрос: быть или не быть, причем известны случаи, когда ответ получался именно *не быть*. Удастся достать от местного мецената несколько сотен рублей для печатания отчета о музее или для приобретения коллекций – хорошо, не удастся – не будет ни отчета, ни коллекции».

Н.М. Могиланский считает, что в случае невозможности обеспечить достойное и полезное существование музея следует вовсе отказаться от его устройства. «Сколько у нас заброшенных начинаний! – восклицает он – В том виде, в каком у нас часто обретаются музеи, с полным отсутствием средств для деятельности, не стоит тратить вовсе денег даже на нищенское жалованье его хранителю, – он все равно делать ничего не может»^{vii}. Здесь уместно вспомнить приведенные выше слова В.И. Ламанского о том, что надо начать с малого, и дело обязательно пойдет. Российская музейная действительность породила настолько разные точки зрения. Н.М. Могиланский, однако, как и В.И. Ламанский, убежден в будущем расцвете музейного созидания в России, ибо музей уже сделался необходимостью для науки, школы, в том числе высшей, «стал органической потребностью для духовно растущей народной массы». Вслед за другими деятелями науки и культуры он выступал за объединение усилий музейных работников, за создание специального периодического музейного издания и проведение съездов музейных работников.

Материалы из журнала «Живая старина» свидетельствуют о том, что это издание уделяло большое внимание теоретическим и практическим разработкам в области музейного дела, в том числе этнографического. Это отражало растущее значение музейного дела в русской науке, просвещении, общественной жизни. Серьезные дискуссии на страницах журнала иллюстрируют также и ту «идейную разногласицу» (по выражению С.А. Токарева), которая существовала в русской этнографической науке и которая отражалась в мнениях по поводу путей развития музейного дела в целом и этнографических музеев в частности. Взгляды отечественных ученых – В.И. Ламанского, Л.Я. Штернберга, Н.М. Могиланского и других – демонстрировали

различные подходы и отражали определенный этап в развитии этно-музееведческой мысли в России конца XIX – начала XX в.

Примечания

ⁱ Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1966. С. 400.

ⁱⁱ От редактора // Живая старина (далее – ЖС). 1890–1891. Вып. 1. С. XXXI–XXXII.

ⁱⁱⁱ См.: ЖС. 1890–1891. Вып. 3. С. 196–198.

^{iv} Семенов-Тянь-Шанский В.П. Владимир Иванович Ламанский как антропо-географ и политикогеограф // ЖС. 1915. Вып. 1–2. С. 12–20.

^v Штернберг Л.Я. Музей Антропологии и Этнографии имени Императора Петра Великого // ЖС. 1911. Вып. 1–4. С. 454–455, 462–463, 472.

^{vi} Могилянский Н.М. Этнографический отдел Русского музея Императора Александра III // ЖС. 1911. Вып. 1–4. С. 474–475, 496–497.

^{vii} Могилянский Н.М. Областной или местный музей как тип культурного учреждения // ЖС. 1916. Вып. 4. С. 306, 316.